

Москва, новости — 2002. — 23-29 июля
№ 281. — с. 23.

Цыпленка слышали?

Чик Кория надеется, что в России его услышат благодаря Адриано Челентано

Чуть больше суток провел на прошлой неделе в российской столице выдающийся американский джазовый пианист Чик КОРИА. За это время он успел отыграть полтора часа концерт для посла США Александра Вершбоу и его гостей в резиденции Спасо-Хаус и дать эксклюзивное интервью корреспонденту «МН».

— Как лучше обращаться к вам: по имени, данному вам при рождении, — Армандо или ориентируясь на сценический псевдоним?

— Все называют меня Чик. А первое имя я получил в честь моего отца. Он тоже Армандо. Его предки происходят из итальянской местности Калабрия.

— Откуда возникло такое странное прозвище?

— Эту историю мне часто рассказывала моя мать. Сам я подробности не помню. Оказывается, моя тетка, когда я был маленьким, любила трепать меня по щеке, приговаривая: «Чик-чик-чик!» Chick в переводе — «цыпленок». И все вокруг стали обращаться ко мне: «Эй, цыпленок!»

— Должно быть, вы человек предельно демократичный и открытый, если на седьмом десятке позволяете именовать вас столь фамильярно?

— Никак не могу контролировать этот процесс. Знакомые и коллеги, в том числе музыканты, которые значительно моложе меня, хотят называть меня Чик. Разве что близкие друзья иногда для развлечения и разнообразия произносят: «Привет, Армандо!»

— Такие свободные отношения не мешали сохранять дисциплину в ваших коллективах или для джаза это абсолютно ненужная вещь?

— Единственное, что дисциплинировало — правильное понимание музыки и качественное ее исполнение. Музыкант, приходивший в мою жизнь и игравший хорошо, не испытывал проблем. Трудности возникали с теми, кто обладал недостаточно высоким мастерством. То, что вы называете дисциплиной, в сущности, движение к идеалу.

— Случались моменты, когда вы бросали инструмент и заявляли: с этим человеком я не стану играть никогда?

— Ну, не таким тоном... Я мирно выбираю, с кем хочу сотрудничать, а с кем нет.

— Одна из ярчайших вех вашей карьеры — работа с великим трубачом Майлзом Дэйвисом. Как он обратил на вас внимание?

— Это было в 68-м. Оркестр Дэйвиса покинул Херби Хенкок, и мой друг Тони Уильямс, которого я знал по своему родному Бостону, порекомендовал меня Майлзу.

— А тот просто согласился с вашей кандидатурой?

— Сначала меня взяли на работу в программах в Балтиморе и Мэриленде. Видимо, я не разочаровал и после этого проработал с Дэйвисом еще два с половиной года.

— Вы были тогда уже достаточно уверенным в себе музыкантом или робели, вливаясь в такой оркестр?

— Дэйвис был моим героем и учителем с детского возраста. Я начал слушать его в 49-м году, и процесс шел по нарастающей почти два десятилетия до момента, когда я стал совместно с ним концерттировать. Я существо-

вал в ауре Майлза, а он поощрял мою деятельность и положительно оценивал мою игру. Поэтому в его оркестре у меня почти сразу появилась уверенность в собственных силах.

— У вас нет ощущения, что нынешний джаз перестал позитивно эволюционировать? Музыканты в лучшем случае демонстрируют все более филигранное мастерство, но с точки зрения идей движутся по давно очерченному кругу, возвращаясь к открытиям, сделанным много десятилетий назад.

— Не думаю, что это художественная проблема. Скорее бизнес-политическая. Сейчас немало художников, создающих абсолютно новые, интересные вещи. Трудность в том, что, наверное, вам, как и многим, не удается их услышать. Пропандируют то, что проще продать.

— Вы не впервые приезжаете в Москву по приглашению посла США. С похожим визитом вы были и в 81-м. Каким вам показался тогда СССР?

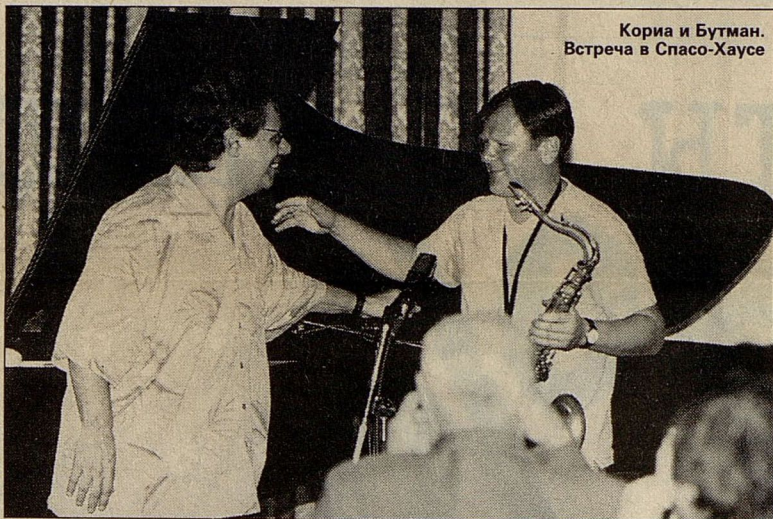
питься, оглядеться вокруг и понять, как можно изменить окружающую действительность. С моей точки зрения, я добивался успеха именно с помощью таких методов.

— Но во многих странах мира, в том числе в России, отношение к сайентологам неоднозначное. Эту религию нередко называют вредной и сектантской.

— Мне кажется, такой точки зрения придерживается незначительное меньшинство. А в России сайентологи как раз быстрорастущая группа, и россияне очень любят сайентологию.

— Ясно. Вернемся к музыке. Не так давно ваш бывший компаньон по сцене прекрасный гитарист Эл Ди Меола поучаствовал в неожиданном проекте. Он выступил на огромной площадке в совместном концерте с нашими поп-звездами Леонидом Агутиным и Анжеликой Варум...

— Он говорил мне об этом. Эл не

Кория и Бутман.
Встреча в Спасо-Хаусе

— В тот раз я тоже играл в Спасо-Хаусе, а также выступал в резиденции нашего генконсула в Петербурге. Давать здесь концерты в крупных залах для обычной публики тогда не представлялось возможным. Хотя в Советском Союзе было много поклонников джаза и от некоторых из них я даже получал письма.

Мне показалось, что советское общество выглядело чрезвычайно напряженным и зажатым, а некоторым представителям его художественной элиты очень нравилось приходить в Спасо-Хаус, потому что это было единственное место, где они общались свободно и открыто.

— Что вы тогда говорили в частных беседах, допустим, нашим джазовым музыкантам, с которыми доводилось встретиться, например Алексею Козлову, Игорю Бутману? Предлагали скорее выбираться на Запад, иначе ни большой сцены, ни международного признания им не увидеть, или рекомендовали терпеть и ждать перемен?

— Я старался объяснить им, как мне удавалось сохранять свободу и независимость в тех или иных обстоятельствах. Не считаю, что обычный отъезд, эмиграция — хороший политический шаг. Лучше решать проблему, оставаясь, что называется, в своей среде, с друзьями, семьей. Еще я советовал им изучать сайентологию, в которую погрузился сам еще в 68-м году. В сайентологии есть методы, позволяющие успокоиться, улуч-

рассказывал, как встретился с этими исполнителями, но сказал, что выступать с ними ему понравилось. Значит, они поп-звезды? Любопытно. А вы знаете Челентано? Я в последнее время немножко с ним играл.

— В Италии или в Америке?

— Я записал в Штатах фортепианные треки для его альбома. Раньше практически ничего о нем не знал. После того как Адриано позвонил мне, я спросил у своих итальянских друзей: «Вам известно, кто он?» Они ответили: «Он — Бог!» Мне понравилось... Мой менеджер говорит, что в России этот певец очень популярен. Тогда вам, возможно, доведется услышать мою игру в его композициях. Он, кстати, и вправду хороший артист.

— Вы никогда не испытывали нехватку вокалиста в ваших коллективах?

— В ансамбле, который я сейчас формирую, вокал появится. В одном из первых моих оркестров так уже было. Вокалисткой являлась моя жена. А сегодня я даже не знаю, кто будет у нас петь — мужчина или женщина, молодой исполнитель или кто-то из моих давних приятелей. Возможно, Дайан Ривз или Стиви Уандер.

— Однажды вы выступали в Большом зале Московской консерватории. Ныне приехали ради частного представления. Не думаете когда-нибудь вновь оказаться в России, но уже с концертом на крупной площадке, даже на стадионе, как тот же Меола?

— Вообще у меня есть такой план. В следующем году задумываю устроить нечто масштабное в Москве и Санкт-Петербурге.

Беседовал Михаил МАРГОЛИС

Все называют
его Чик

СВЕТЛАНА ЕРКИЛИНЦЕВА

Норман Чик

29.07.02